

В глубокой тьме каменной темницы не было ни единого проблеска света. Прошло неизвестно сколько времени, и Янь Юаньшу начал чувствовать раздражение. На его теле выступил легкий пот. Хотя он уже знал, что в этой темнице нет щелей, он все же встал и начал ощупывать стены.

— Сейчас только что прошло время Чоуши, ты бы еще поспал...

— раздался голос Хуа Сюя позади него.

— А, ты проснулся, — удивился Янь Юаньшу, боясь, что разбудил его.

Хуа Сюй не стал говорить, что не спал, лишь невнятно промычал в ответ.

— Только что ты сказал, что прошло время Чоуши. Как ты определил время?

— По температуре, влажности и привычке... После Цзыши температура падает до минимума, влажность увеличивается. Если прислушаться, снаружи нет никаких звуков. Чуть позже, вероятно, начнут просыпаться охранники.

Эти слова вызвали у Янь Юаньшу восхищение, и его сонливость тут же исчезла. Он подсел поближе и спросил:

— Эй, а чем ты раньше занимался? Как ты все это знаешь!

— Ничего особенного. Просто меня часто запирали, и я научился определять время в темноте.

— Запирали? Кто осмелился тебя запереть? Дай угадаю, ты в детстве был тихим мальчиком, значит, это твой отец был слишком строг. Он давал тебе задания, а ты их не выполнял, и он запирали тебя в темной комнате, да?

В темноте Хуа Сюй тихо усмехнулся. Его дыхание коснулось лица Янь Юаньшу, мягкое и теплое, отчего ему стало еще жарче. Но ему это нравилось.

На самом деле в его словах была доля правды, и Хуа Сюй улыбнулся:

— Ну, скажем так, ты прав.

Янь Юаньшу обрадовался и продолжил:

— А разве никто за тебя не заступался? Твоя мать?

— Моей матери нет. Она ушла давно. Мой наставник всегда говорил, что мои глаза похожи на ее.

— Да, это понятно. Твоя мать, наверное, была доброй и спокойной женщиной. Твои глаза... я сразу заметил их, они запоминаются...

— Лишь бы лебезил, я тебя все равно не полюблю...

— Эй, не говори так! Кто знает, что будет в будущем? Может, потом будешь любить меня до смерти! Ха-ха...

Он сам рассмеялся, а затем добавил:

— Нельзя думать об этом, а то смешно становится. И голодно...

— Лучше поменьше говори, береги силы. Уже второй день, и, похоже, они не собираются давать нам ни воды, ни еды.

— Они же не обыскивали нас. Надо было взять с собой воды!

— Ты много чего не учел, это не единственное.

Янь Юаньшу вздохнул и снова прижался к нему. В темноте не было разницы, открыты глаза или закрыты. Вскоре он услышал звук передвижения стульев и невнятные голоса, доносящиеся издалека. Они звучали убаюкивающе, и после нескольких зевков он снова начал засыпать...

В полусне ему показалось, что в комнате начался пожар. Было невыносимо жарко, и он не мог дышать. Он хотел пошевелиться, но не мог открыть глаза. Только когда его рука стала обжигающе горячей, он резко проснулся.

— А Сюй, проснись! Ты так горячий!

Почти сразу Янь Юаньшу почувствовал жар, исходящий от тела Хуа Сюя. В ответ он услышал только тяжелое дыхание. Рука Хуа Сюя была горячей, как раскаленный металл, но сам он казался бесчувственным, безвольно прижавшись к Янь Юаньшу. В панике он ощупал его тело — оно было сухим и горячим, пульс бился так сильно, словно хотел вырваться из сосудов. Он быстро поднял его и переместил в более прохладное место. Температура явно превышала сорок градусов. Если так будет продолжаться, через пару часов он либо сойдет с ума, либо станет инвалидом.

Уложив его, он вскочил и начал стучать по стене, крича:

— Откройте дверь! Сейчас умрет человек!

— Я знаю, зачем вам, господа, меня схватил! Разве не конный двор? Отпустите меня, господин выращивает для вас сотню-другую лошадей... Слышите? Если сегодня с кем-то здесь что-то случится, не то что лошадей, я не отравлю ядами весь Дом Чэнь, и пусть меня тогда зовут не Янь!

В ответ он услышал только эхо. Снаружи не было ни звука. По логике, он спал уже долго, и на улице должно было быть светло. Если никого нет, значит, либо его не слышат, либо не хотят слышать. Проклятые!

Он вернулся к Хуа Сюю, усадил его и попытался успокоиться. Высокая температура, обезвоживание, нарушение работы желудка, повреждение мозга... Вода, вода! Янь Юаньшу облизал губы. Два дня без воды, и его губы уже потрескались. Он раздраженно содрал кожу.

— Ой!

Кожа порвалась, и он машинально лизнул рану.

И тут его осенило. Нет воды? Ну и что, ведь есть кровь! Он же здоровый мужчина весом в шестьдесят килограммов, неужели не сможет выжать немного крови?

Спасать нужно сейчас же! — твердил он себе и сразу приступил к делу. Одной рукой он обнял Хуа Сюя, придав ему удобное положение, а затем поднес запястье ко рту. Но укусить себя

оказалось не так-то просто. Прокусить вену — это же сколько сил нужно!

Братец Бянь, ты должен помнить мою доброту. Этот укус заберет у меня половину жизни...

Собравшись с духом, он закрыл глаза, стиснул зубы и изо всех сил укусил себя. Металлический привкус крови сразу заполнил рот. Задержав дыхание, он боялся вздохнуть, чтобы не закричать от боли. Сжав зубы, он поднес запястье ко рту Хуа Сюя. Но тут возникла новая проблема — он не мог пить сам.

Янь Юаньшу, сжавшись от боли, чувствовал, как кровь течет из его руки. Он боялся надавить сильнее, опасаясь, что кровь свернется. Теперь ему было не до романтических мыслей. Он правой рукой сжал челюсть Хуа Сюя, поднес запястье ко рту, сделал глоток крови и наклонился, чтобы передать ее ему...

В этот момент он почувствовал удовлетворение. Он поцеловал его в этой темной, сырой и затхлой темнице. Легкий аромат лотоса, исходящий от его одежды, казался божественным, запечатлевшись в его сердце навсегда...

Если умру здесь, то, наверное, оно того стоило...

Спасать нужно, полузнайка!

Разум вернул его к реальности. Он не мог больше медлить и накормил его еще десятком глотков крови. Каждый глоток был примерно десять миллилитров. Сто миллилитров должно хватить на какое-то время... Но что, если температура не спадет?

Это просто кошмар!

Только сейчас Янь Юаньшу вспомнил, что у Хуа Сюя не было никаких предвестников этой лихорадки. Они только что спокойно разговаривали, и вдруг все пошло наперекосяк. Что за черт? К сожалению, он изучал западную медицину и не умел диагностировать по пульсу и внешним признакам. Он мог только перетащить его в другое место — там, где они были, уже стало слишком жарко.

Он хотел подождать еще полчаса и дать ему еще крови, но вскоре Хуа Сюй начал приходить в себя. Как только тот пошевелил пальцами, Янь Юаньшу сразу заметил это и спросил:

— Как ты? Все в порядке?

Хуа Сюй, словно не слыша его, вырвался и попытался встать, чтобы вырвать.

— Ох... Кхе-кхе...

Янь Юаньшу внутренне содрогнулся:

— Брат, поменьше рви, это же моя кровь!

Но он лишь мягко похлопал его по спине и спросил:

— Кроме жара, тебя ничего не беспокоит?

Хуа Сюй покачал головой и слабо сказал:

— Что ты мне дал пить? Почему такой странный вкус?

Янь Юньшу смутился и промямлил:

— Это они только что принесли. Я не разглядел, что это было, но оно было черно-красным. Я подумал, что вряд ли это яд, и попробовал сам. Ты так сильно горел, что я решил дать тебе немного. Не волнуйся, раз ты очнулся, значит, все в порядке.

— М... не бери в голову, я не сержусь...

Он снова закашлялся, а Янь Юньшу продолжал гладить его по спине.

<http://bllate.org/book/16872/1555050>